

ЕЩЕ РАЗ О ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЯХ

ОЛИМПИА АРМАЛИТЕ

В литературе по переводу часто встречается термин „переводческая трансформация“. Он используется для описания переводческого процесса как в теоретических исследованиях [Швейцер, 1973; Рецкер, 1974; Бархударов, 1975], так и в практических пособиях по переводу [Левинская, Фитерман, 1973; 1976].

Термин возник под влиянием трансформационной грамматики, и первоначально „трансформация“ понималась как один из приемов семантического анализа. В дальнейшем переводческие трансформации стали определяться как средство построения конечного высказывания на языке перевода [Швейцер, 1973, с. 77–93]. Наряду с термином „трансформация“ употребляются такие термины, как „преобразование“, „ленифраза“ [Швейцер, 1973, с. 94–117], „способ перевода“ [Вине, Дарбельне, 1978, с. 157–167], „модификация“ или „перестройка“ [Nida, Taber, 1969, с. 12], „межязыковое перифразирование“ [Латышев, 1981, с. 175], „межязыковое преобразование“ [Львовская, 1985, с. 32]. Все эти термины обозначают в самом общем смысле некие операции, применяя которые к тексту оригинала, переводчик создает текст перевода [Бархударов, 1975, с. 6]. В то же время исследователи поясняют, что трансформацию следует понимать как определенное отношение между двумя языковыми или речевыми единицами, одна из которых является исходной, а вторая создается на основе первой. Эти оба определения характеризуют две разные ступени переводческой деятельности: в первом случае речь идет о самом процессе перевода и неких действиях переводчика, во втором — о соответствиях между исходным текстом и его переводом. Несомненно, обе стороны перевода взаимосвязаны: в результате процесса перевода и определенных действий переводчика образуются соответствия и устанавливаются определенные отношения между двумя текстами. В этих соответствиях как бы фиксируются разные переводческие приемы. Что каждая переводческая трансформация зафиксирована (находит отражение) в определенном соответствии, очевидно. Но каждое ли переводческое соответствие отражает определенную переводческую трансформацию?

Это двойное понимание переводческих трансформаций обнаруживаем в большинстве специальных исследований. Так, согласно теории закономерных соответствий в процессе перевода, можно выделить три категории соответствий: эквиваленты, вариатные и контекстуальные соответствия и, наконец, переводческие трансформации [Решкер, 1974, с. 9–75]. Далее отмечается, что вариантные и контекстуальные соответствия следует считать частью приемов и техники перевода [Решкер, 1980, с. 81]. Эквиваленты противопоставляются тем соответствиям, которые являются результатом переводческих трансформаций. Такое противопоставление эквивалентов и переводческих трансформаций находим в большинстве работ по переводу. При этом в них подчеркивается, что переводческие трансформации – отступления от системных эквивалентов. С их помощью создаются функциональные эквиваленты [Гак, 1978, с. 15].

Не существует однозначного критерия при описании различных типов и подклассов переводческих трансформаций. На основе чисто формального критерия выделяются перестановки, замены, добавления и опущения [Бархударов, 1975, с. 190–231]. На основе языкового уровня, который подвергается преобразованиям, при переводе выделяются лексические или лексико-семантические, грамматические (морфологические и синтаксические) и стилистические [Решкер, 1974, с. 38–130; Левинская, Фитерман, 1976, с. 7–67; Латышев, 1981, с. 180–188]. В отдельный подкласс выделяют семантические трансформации [Латышев, 1981, с. 182]. Лексические трансформации определяются как приемы логического мышления, с помощью которых мы раскрываем значение иноязычного слова в контексте и находим ему соответствие в языке перевода, не совпадающее со словарным [Решкер, 1974, с. 38]. Грамматические трансформации определяются как преобразование структуры предложения в соответствии с нормами литературного языка [Там же, с. 80].

Когда говорят о причинах возникновения переводческих трансформаций, обычно выделяют причины лингвистического характера и причины экстралингвистические. К первым относятся различия между языками на уровнях системы, нормы и узуса [Латышев, 1981, с. 188–208; Львовская, 1985, с. 171–180]. Экстралингвистические причины – различия в культурном опыте, исторических и социальных условиях, в социально значимых нормах речевого поведения.

При всем разнообразии существующих определений и классификаций переводческих трансформаций сущность этого понятия остается не до конца раскрытой. Какие отклонения и от каких эквивалентов следует именовать переводческими трансформациями?

Рассмотрим несколько примеров:

(1) *Mrs. Mooney was a butcher's daughter* (J. J., c. 85).

Ponia Muni buvo mėsininko dukė (D., c. 61).

(2) *After that they lived apart* (J. J., c. 85).

Nuo tada jie gyveno skyrium (D., c. 61).

В обоих примерах находим переводческие соответствия, которые на лексическом уровне характеризуются тождеством значения и являются так называемыми словарными эквивалентами, а на грамматическом уровне характеризуются еще и однотипностью структуры. Переводческие трансформации здесь не потребовались.

(3) *She saw her mother purse her lips and fold her hands together* (M. I. A., c. 208).

Ji matė, kaip motina sučiūpią lūpas ir susideda rankas (A. N., c. 528).

В литовском языке нет грамматической конструкции, однотипной по форме Accusative-Infinitiv, поэтому в переводе она передается придаточным дополнительным предложением.

(4) *...he was not a man to experiment with acquaintances* (M. I. A., c. 182).

...jis buvo ne iš tų, kurie žaidžia pažintimis (A. N., c. 306).

Английский инфинитив в атрибутивной функции переводится придаточным определительным предложением; здесь, как и в предыдущем примере, перед нами нечто, что в литературе часто описывается как синтаксические трансформации. Они обусловлены структурными различиями в обоих языках. На самом деле перед нами не трансформации, если трансформации будем понимать как отклонения от межъязыковых соответствий или эквивалентов. Синтаксические конструкции в сравнимых предложениях (3) и (4) следует рассматривать как межъязыковые эквиваленты, которые неоднотипны по своей форме в отличие от межъязыковых эквивалентов в примерах (1) и (2).

(5) *What innumerable follies laid waste my waking and sleeping thoughts after that evening* (J. J., c. 59).

Существуют два перевода рассказа, из которого взято это предложение.

(5a) *Kokia aibė nesąmonių niokojo mano mintis dieną ir naktį po to vakaro* (A. N., c. 248).

(5b) *Kiek paikiausų sumanymų sukosi mano galvoje dieną naktį po to vakaro* (D., c. 29).

Если согласимся с определением, что недословный перевод и есть трансформированный перевод [Гак, 1978, с. 15], то в (5a) обнаружим лишь один случай переводческой трансформации, обусловленной спецификой английского эпитета, выраженного атрибутивным сочетанием *waking and sleeping thoughts*. В литовском существует аналогичная син-

таксическая модель, но в речи она не реализуется из-за ограничений, накладываемых сочетаемостью существительного *mintis*. В английском языке, где неодушевленные и абстрактные существительные выступают в функции деятеля намного чаще, таких ограничений в реализации этой модели нет. В результате этих различий в переводе на литовский данное атрибутивное сочетание было заменено другой структурой, имеющей различное морфологическое и синтаксическое выражение и лексическое наполнение. В первом переводе предложения (5) атрибутивное сочетание преобразовано в обстоятельство времени с сохранением дополнения; во втором переводе преобразовано и дополнение, вместо него находим обстоятельство места. В первом переводе заметно старание найти наиболее близкие соответствия английским словам и словосочетаниям при условии сохранения однотипности грамматической структуры. Ср.:

...innumerable follies laid waste my (...) thoughts
...aibė nesąmonių niokojo mano mintis.

Здесь нарушены правила сочетаемости литовского языка, и хотя переводчик старался сохранить образ оригинала, он все же должен был учесть требования нормы литовского языка, а также стилистические особенности переводимого текста. Несмотря на преобладание словарных эквивалентов, первый перевод звучит неестественно и производит впечатление дословного, неотредактированного.

Во втором варианте находим более значительные отклонения как от словарных соответствий, так и от грамматических структур оригинала. Переводчик учел не только структурные различия двух языков, но также расхождения в норме и узусе, в законах сочетаемости и в стилистических особенностях. Этот перевод более адекватен оригиналу.

Как видно из примеров, прежде чем приступить к выяснению сути переводческих трансформаций, необходимо установить, как они соотносятся с эквивалентностью.

Само существование текста перевода предполагает, что между ним и текстом оригинала существуют отношения эквивалентности. Степень ее может различаться в зависимости от качества перевода, от опыта и способностей переводчика, но тем не менее текст перевода следует рассматривать как эквивалент текста оригинала.

Необходимо разграничивать понятия эквивалентности и переводческой эквивалентности. Эквивалентность подразумевает равнозначность и/или равноценность. Переводческую эквивалентность следует рассматривать как отношение чисто функциональное. В таком понимании она противопоставляется буквализму [Понович, 1980, с. 186].

Переводческая эквивалентность — это соотношение речевых произведений (текстов) на двух языках, отличающихся одинаковым комму-

никативным и функциональным заданием. Отношения, устанавливающиеся между единицами этих текстов, также следует рассматривать как отношения переводческой эквивалентности. Переводческая эквивалентность не то же, что и межъязыковая эквивалентность.

Отношения между единицами исходного текста и текста перевода могут носить разный характер. Выше уже упоминалась классификация соответствий, предложенная Я. И. Рецкером. Существует и другая классификация эквивалентов, используемых в переводе. Выделяются формальные (характеризующиеся подобием языковых форм), смысловые (характеризующиеся общностью значений при формальном расхождении языковых средств) и ситуационные (характеризующиеся общностью описываемой ситуации) [Гак, Львин, 1980, с. 9].

Переводческий эквивалент — более широкое понятие, чем межъязыковой эквивалент. Переводческие эквиваленты — это речевые единицы (в зависимости от целей написания они могут варьировать от отдельного слова до текста в целом) в двух текстах (исходном и его переводе), функционально тождественные друг другу. Переводческие эквиваленты могут совпадать с межъязыковыми эквивалентами. Таким образом, среди соответствий, обнаруживаемых в двух текстах (исходном и переводе), или среди переводческих эквивалентов можем выделить следующие разновидности.

1. Межъязыковые однотипные эквиваленты: а) словарные эквиваленты, б) однотипные грамматические эквиваленты, т. е. те, которые равнозначны по смыслу и параллельны по форме. Сюда также относятся фразеологизмы и идиомы, представленные в словарях, поговорки, ряд готовых речевых формул. См. примеры (1) и (2).

Число эквивалентов этого типа невелико, и в переводах они встречаются не очень часто. И хотя иногда утверждают, что совпадение структурного и переводческого эквивалентов образует дословный перевод [Гак, 1978, с. 15], вряд ли каждое такое совпадение следует расценивать как недостаток. Напр.:

The countryman bade him welcome, and his wife, who was a very good-hearted woman, soon brought him some milk in a wooden bowl, and some coarse brown bread on a platter (A. Ch. L., c. 173).

Kaimietis mielai priėmė burtininką, o jo pati labai gera moteriškė, tuoj atnešė medinį qsoj su pienu ir lėkštėj rupios juodos duonos (S. R., c. 87).

II. Межъязыковые разнотипные эквиваленты: а) лексические эквиваленты, отличающиеся неодинаковым объемом значения, многозначные слова, многочисленные случаи недифференцированной лексики в одном языке с их соответствиями в другом, определяемыми ситуацией; б) грамматические соответствия, которые эквивалентны по смыслу и функции, но разнотипны в структурном плане; так, эквивалентными могут быть разные части речи, разные члены предложения, предложение

и словосочетание, словосочетание и слово и т. д. Сюда же относятся случаи лексических и грамматических лакун.

Вот пример грамматической разнотипной эквивалентности:

Mrs. Mooney sat in the straw arm-chair and watched the servant Mary remove the breakfast things (J. J., с. 86).

Ponia Muni sėdėjo šiaudiniame krėslė ir žiūrėjo, kaip tarnaitė Merė krausto stalą (D., с. 63).

В следующем примере находим случай лексико-грамматической эквивалентности, характерной для английского и литовского языков.

In the morning I was firstcomer to the bridge, as I lived nearest (J. J., с. 50–51).

Kadangi gyvenau arčiausiai, prie tilto rytą atėjau pirmas (D., с. 18).

В эквивалентах этой группы находят отражение структурные различия между языками. Как и эквиваленты первой группы, они могут быть описаны и систематизированы в сравнительно-типологических исследованиях для каждой пары языков. Их разнотипность и разнооформленность не следует понимать как отражение определенных переводческих трансформаций.

III. Эквиваленты, являющиеся результатом переводческих трансформаций. Они представляют собой отступления от межъязыковых однотипных и разнотипных эквивалентов. Приведем несколько примеров:

When he got back to England, he was thin and ragged, with a patch over one eye and very little hair on his head [...] Off he went to tramp through the county of Suffolk and make what he could by beggary and trickery and such-like ways (E. F. F., с. 2).

Grižo jis į Angliją visai susibaigęs ir nuplyšęs, su raiščiu ant vienos akies ir penkiaus plaukais ant pakaušio [...] Emė jis klajoti po Salfolko grafystę ir šiaip taip vertėsi elgetaudamas, mulkindamas žmones ir visokių gaų prasimanydamas (S. R., с. 223).

Преобразования или трансформации, нашедшие отражение в переводческих эквивалентах типа *with... very little hair on top of his head – su... penkiaus plaukais ant pakaušio* или *such-like ways – visokių gaų prasimanydamas*, обусловлены, главным образом, разными стилистическими свойствами английских и литовских сказок, их образной системой.

'Well... tell me, Corley, I suppose you'll be able to pull it off all right, eh?'
Corley closed one eye expressively as an answer.

'Is she game for that?' asked Lenehan dubiously. *"You can never know women."*

'She's all right,' said Corley. 'I know the way to get around her, man. She's a bit gone on me.' (J. J., с. 76).

- *Šitą... sakyk, Korli: tu suveiksi, ar ne?*
  - Užuot atsakęs, Korlis išraiškinaį pamerkę akį.*
  - *Ar išdėgs? – dvejojamas paklausė Liviūtenas. – Su moterim negarantuota.*
  - *Be baimės, – atsakė Korlis. – Aš, vyruti, žinau, kokios taktikos laikytis.*
- Ji į mane gerokai įsispitrėjus (D., c. 51).*

Здесь переводчик выбрал литовские выражения, которые хорошо передают вульгарность и пошлость героев рассказа.

Эквиваленты этой группы иногда могут проявить очень значительные расхождения с текстом оригинала как в значении, так и в оформлении, но тем не менее они остаются переводческими эквивалентами ввиду своей коммуникативной и функциональной тождественности.

Предложенная классификация переводческих эквивалентов может показаться весьма обобщенной и схематичной. В ней не нашли отражения многочисленные подтипы и варианты отдельных групп, обнаруживаемые в любом переводе. Следует также отметить, что в „чистом“ виде выделенные нами группы переводческих эквивалентов встречаются редко. В переводах чаще всего находим их разное переплетение. И все же даже такое условное деление переводческих эквивалентов на межязыковые и „трансформированные“ позволяет нам уточнить понятие переводческой трансформации. Если в качестве переводческого эквивалента выбран однотипный или разнотипный межязыковой эквивалент, переводческая трансформация не происходит. Иными словами, если переводческий эквивалент совпадает с межязыковым, надобности в трансформации нет. Если межязыковой эквивалент представляется недостаточным для передачи смысла адекватными средствами переводимого языка, переводчик прибегает к переводческим трансформациям, которые понимаются как отклонение от межязыковых эквивалентов, и однотипных, и разнотипных. Переводческие трансформации обусловлены не структурными различиями между языками, а особенностями переводимого текста, расхождениями в структурных особенностях построения высказывания в обоих языках, стилистическими особенностями переводимого автора, наконец, стилем самого переводчика. Не последнюю роль здесь играют экстралингвистические факторы.

Те расхождения, которые наблюдаем при сопоставлении эквивалентов второй группы, т. е. межязыковых разнотипных эквивалентов, являются не отражением переводческих трансформаций, хотя в литературе и они именуется трансформациями. Вслед за Гаком можем именовать их квазитрансформациями [Гак, 1978, с. 15]. Систематизация и описание таких трансформаций представляют интерес для сравнительной типологии и обучения переводу.

ONE MORE LOOK AT TRANSLATION TRANSFORMATIONS

O. A R M A L Y T Ě

Summary

The article offers a revised approach to "translation transformation", a much-used term in the theory and practice of translation. A translation transformation proper should not be confused with a quasi-transformation which is nothing else but replacement of a unit of a source language text by an interlingual equivalent in the target language.

A translation transformation is viewed as a departure from an interlingual equivalent. An interlingual equivalent is not synonymous with a translation equivalent. Translation equivalents proper result from translation transformations. Yet there can be instances when translation equivalents coincide with interlingual equivalents.

ЛИТЕРАТУРА

- Бархударов, 1975 – Бархударов Л. С. Язык и перевод. – М., 1975.
Вине, Дарбельне, 1978 – Вине Ж.-П., Дарбельне Ж. Технические способы перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М., 1978. – С. 157–167.
Гак, 1978 – Гак В. Г. Межязыковая асимметрия и прогнозирование трансформаций при переводе // Вопросы теории перевода: Сб. науч. тр. /МГПИИЯ им. М. Горького. – М., 1978. – Вып. 127. – С. 14–20.
Гак, Львин, 1980 – Гак В. Г., Львин Ю. И. Курс перевода. Французский язык. – М., 1980.
Латышев, 1981 – Латышев Л. К. Курс перевода (Эквивалентность перевода и способы ее достижения). – М., 1981.
Левницкая, Фитерман, 1973 – Левницкая Т. Р., Фитерман А. М. Пособие по переводу с английского языка на русский. – М., 1973.
Левницкая, Фитерман, 1976 – Левницкая Т. Р., Фитерман А. М. Проблемы перевода. – М., 1976.
Львовская, 1985 – Львовская З. Д. Теоретические проблемы перевода. – М., 1985.
Попович, 1980 – Попович А. Проблемы художественного перевода. – М., 1980.
Рецкер, 1974 – Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. – М., 1974.
Рецкер, 1980 – Рецкер Я. И. Что же такое лексические трансформации? // Тетради переводчика. М., 1980. – Вып. 17. – С. 72–84.
Швейцер, 1973 – Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика. – М., 1973.
Nida, Taber, 1969 – Nida E. A., Taber Ch. R. The Theory and Practice of Translation. – Leiden, 1969.

СОКРАЩЕНИЯ

- A. Ch. L. – An Anthology of Children's Literature. – М., 1965.
A. N. – Anglo novels. – V., 1980.
D. – De z e i m s a a D z o i s a s. Dublinietiai. – V., 1985.

- E. F. F. – English Fables and Fairy Stories. Retold by James Reeves. – Oxford University Press, 1978.
- J. J. – James Joyce. Dubliners. A Portrait of the Artist as a Young Man. – М., 1982.
- M. I. A. – Making It All Right. Modern English Short Stories. – М., 1978.
- S. R. – Stebuklingas ragas. Anglų pasakos. – V., 1984.

Вильнюсский государственный
университет им. В. Капсукаса
Кафедра английского языка

Вручено
в декабре 1985 г.